ISSN: 2181-3906 2026

International scientific journal
«MODERN SCIENCE AND RESEARCH»
VOLUME 5 / ISSUE 11 / UIF:8.2 / MODERNSCIENCE.UZ

NEYROTARMOQ «UCHINCHI SHAXS»MI? SUN'IY INTELLEKTDAN FOYDALANISHDA ADVOKATLIK SIRI

Raximova Sevinch Mirzohid qizi
Toshkent davlat yuridik universiteti
Magistratura talabasi («Advokatlik faoliyati» mutaxassisligi)
E-mail: *rakh1movasevinch2709@gmail.com* ***tel.: +998931200927***
https://doi.org/10.5281/zenodo.24127866

Annotatsiya. *Maqola advokatlik siri va advokatning sun'iy intellekt texnologiyalaridan foydalanishi o'rtasidagi nisbatga bag'ishlangan. Mavzuning dolzarbligi 2026-yilda O'zbekiston Respublikasida sun'iy intellektga oid dastlabki normalar qabul qilingani, biroq «Advokatura to'g'risida»gi Qonunda mijoz ma'lumotlarini bunday tizimlarga kiritish mumkinligi belgilanmagani bilan bog'liq. Ishning maqsadi – ulardan foydalanish advokatlik sirini buzmaydigan shartlarni aniqlash. Dialektik, formal-yuridik va qiyosiy-huquqiy usullar, huquqiy modellashtirish va huquqiy statistika usullari qo'llanildi, Amerika advokatlar assotsiatsiyasi va Yevropa advokatlar kengashining tavsiyalari hamda sud amaliyoti o'rganildi. Bunday tizimlardan foydalanishning uch bosqichli modeli va Qonunning 9-moddasiga qo'shimcha taklif etildi.*

Natijalardan qonun ijodkorligida va Advokatlar palatasi faoliyatida foydalanish mumkin.

Kalit so'zlar: *advokatura, advokatlik siri, maxfiylik, advokat kasbiy etikasi, sun'iy intellekt, generativ til modellari, shaxsga doir ma'lumotlar, O'zbekiston Respublikasi.*

НЕЙРОСЕТЬ КАК «ТРЕТЬЕ ЛИЦО»? АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Статья посвящена соотношению адвокатской тайны и использования адвокатом искусственного интеллекта. Актуальность темы связана с тем, что в 2026 году в Республике Узбекистан приняты первые нормы об искусственном интеллекте, однако Закон «Об адвокатуре» не определяет, допустимо ли вводить сведения клиента в такие системы. Цель работы – установить условия, при которых их использование не нарушает адвокатскую тайну. Применены диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, методы правового моделирования и правовой статистики, изучены рекомендации Американской ассоциации юристов, Совета адвокатур Европы и судебная практика. Предложены трёхуровневая модель допустимости таких систем и дополнение к статье 9 Закона. Результаты могут использоваться в законотворчестве и деятельности Палаты адвокатов.*

Ключевые слова: *адвокатура, адвокатская тайна, конфиденциальность, профессиональная этика адвоката, искусственный интеллект, генеративные языковые модели, персональные данные, Республика Узбекистан.*

NEURAL NETWORK AS A "THIRD PARTY"? ADVOCATE SECRECY IN AI USE

Abstract. *The article examines advocate secrecy in advocates' use of artificial intelligence. Uzbekistan adopted its first artificial intelligence provisions in 2026, but the Law "On Advocacy" is silent on entering client information into such systems.*

The aim is to identify conditions under which such use does not breach secrecy. Dialectical, formal legal, comparative, legal modelling and legal statistics methods were applied to legislation, guidance of the American Bar Association and the Council of Bars and Law Societies of Europe, and case law. A three-tier admissibility model and an amendment to Article 9 of the Law are proposed for law-making and the Chamber of Advocates.

Keywords: *advocacy, advocate secrecy, confidentiality, professional ethics of advocates, artificial intelligence, generative language models, personal data, Republic of Uzbekistan.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Ещё несколько лет назад использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в работе адвоката обсуждалось в основном как перспектива. Сегодня генеративные языковые модели находятся в открытом доступе, и юристы применяют их для подготовки проектов документов, поиска и обобщения судебной практики, перевода материалов дела.

Показателен эксперимент преподавателей юридической школы Миннесотского университета: ChatGPT без участия человека написал экзамены по четырём дисциплинам и получил по ним хотя и невысокие, но положительные оценки[1]. Для адвоката, у которого затраченное время напрямую влияет на стоимость услуг, такой инструмент, безусловно, привлекателен.

В Республике Узбекистан правовое регулирование ИИ начало складываться совсем недавно. Законом от 21 января 2026 года № ЗРУ-1115 в Закон «Об информатизации» включено определение искусственного интеллекта, установлен запрет руководствоваться только заключениями систем ИИ при принятии решений, имеющих юридическую силу и затрагивающих права и свободы человека, а также введена административная ответственность за незаконную обработку персональных данных с применением ИИ[2].

Необходимость такого регулирования депутаты обосновывали в том числе статистикой: если в 2023 году в интернете было выявлено 1129 случаев распространения незаконных материалов, обработанных с помощью ИИ, то в 2024 году – уже 3553, т. е. более чем в три раза больше[3]. В марте 2026 года были утверждены правила этики при создании и использовании ИИ[4].

---

[1] Choi J. H., Hickman K. E., Monahan A., Schwarcz D. ChatGPT Goes to Law School // Journal of Legal Education. – 2022. – Vol. 71. – P. 387.

[2] Закон Республики Узбекистан от 21 января 2026 г. № ЗРУ-1115 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с регулированием отношений, возникающих при применении искусственного интеллекта» // Национальная база данных законодательства. – URL: https://lex.uz/docs/8011377

[3] В Узбекистане принимается закон об искусственном интеллекте. О чём в нём говорится? // Kun.uz. – 2025. – 17 апреля. – URL: https://kun.uz/ru/news/2025/04/17/v-uzbekistane-prinimayetsya-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-o-chyom-v-nem-govoritsya

[4] В Узбекистане утвердили правила этики при создании и использовании искусственного интеллекта // Kun.uz. – 2026. – 16 марта. – URL: https://kun.uz/ru/news/2026/03/16/v-uzbekistane-utverdili-pravila-etiki-pri-sozdanii-i-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta

Вместе с тем принятые акты носят общий характер. Изучив действующую редакцию Закона «Об адвокатуре», мы не нашли в нём положений о том, вправе ли адвокат вводить сведения, полученные от клиента, во внешние информационные системы. Статья 7 Закона обязывает адвоката хранить адвокатскую тайну, статья 9 определяет её содержание[5], однако обе нормы сформулированы задолго до появления подобных технологий. Между тем при работе с общедоступным чат-ботом текст запроса, который нередко содержит фамилии, обстоятельства дела и позицию защиты, передаётся на серверы зарубежной компании, где может храниться и использоваться для дальнейшего обучения модели[6].

Возникает ситуация, при которой адвокат, обязанный оказывать квалифицированную юридическую помощь, не знает, где проходит граница между допустимым использованием технологии и разглашением тайны.

Цель и задачи исследования

Цель статьи – определить, при каких условиях использование ИИ адвокатом совместимо с режимом адвокатской тайны, и предложить способ закрепить эти условия в законодательстве Республики Узбекистан. Для этого необходимо было: выявить, в чём именно состоит пробел в национальном регулировании; определить, следует ли рассматривать систему ИИ как «третье лицо» или как средство труда адвоката; изучить подходы, сложившиеся в США и Европе; оценить риск недостоверности ответов ИИ; сформулировать предложения по изменению законодательства.

В качестве рабочей гипотезы мы исходили из того, что система ИИ может рассматриваться как техническое средство адвоката, а не как «третье лицо», если клиент дал на это информированное согласие, оператор системы не использует полученные сведения в собственных целях (в частности, для обучения модели), а адвокат лично проверяет результат. Если эти условия не соблюдены, ввод в систему сведений, позволяющих установить клиента, следует считать разглашением адвокатской тайны.

Анализ литературы

Среди работ узбекских авторов, посвящённых адвокатской тайне, прежде всего следует выделить исследования К. Хакимовой. Анализируя уголовно-процессуальный аспект, она приходит к выводу, что правовая основа адвокатской тайны в Узбекистане достаточно прочная, однако за её нарушение не предусмотрено ни специальной уголовной, ни административной ответственности[7]. В другой работе автор обращает внимание на новые риски, связанные с цифровизацией, – кибератаки, утечки данных, утрату устройств – и отмечает, что законодательство прямо не регулирует цифровую защиту информации

[5] Закон Республики Узбекистан от 27 декабря 1996 г. № 349-I «Об адвокатуре» (с изм. и доп.) // Национальная база данных законодательства. – URL: https://lex.uz

[6] American Bar Association, Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. Formal Opinion 512: Generative Artificial Intelligence Tools. – July 29, 2024; Council of Bars and Law Societies of Europe. CCBE guide on the use of generative AI by lawyers. – Brussels, 2 October 2025.

[7] Хакимова К. Важные аспекты адвокатской тайны в уголовном процессе: законодательство Узбекистана и международный опыт // Общество и инновации. – 2025. – Т. 6, № 7/S. – С. 116–128. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss7/S-pp116-128.

адвоката, оставляя этот вопрос самим адвокатским формированиям[8]. С этим выводом нельзя не согласиться, однако об использовании адвокатами систем ИИ в указанных работах речь не идёт.

Д. Турдалиев, исследуя Конвенцию Совета Европы о защите профессии адвоката, подчёркивает, что конфиденциальность общения адвоката с клиентом защищается в ней независимо от канала и средства связи и распространяется также на переводчиков и помощников[9]. Этот тезис, на наш взгляд, имеет прямое значение для темы настоящей статьи: если защита не зависит от канала связи, то сведения, прошедшие через систему ИИ, не должны её утрачивать. Вопросы реформирования адвокатуры рассматриваются также в работах Ф. Ибрагимовой о специализации адвокатов[10] и А. Жураева об этических стандартах, в том числе о конфиденциальности[11].

Что касается ИИ, в отечественной литературе он изучается преимущественно применительно к правосудию. А. Бурийев анализирует концепцию «умного суда» и модель, при которой окончательное решение остаётся за человеком[12], Ш. Ёкубов оценивает готовность правовой системы Узбекистана к развитию ИИ в целом[13].

В зарубежной науке вопрос рассматривается шире. Д. Ремус и Ф. Леви показали, что автоматизации поддаётся лишь сравнительно небольшая часть работы юриста, тогда как консультирование клиента и построение аргументации остаются за человеком[14]. Р. Сасскинд, напротив, видит в технологиях фактор, который изменит саму модель оказания юридических услуг[15]. Отдельное направление составляют эмпирические исследования так называемых «галлюцинаций» – случаев, когда модель выдаёт несуществующие нормы и

---

[8] Хакимова К. Анализ проблем обеспечения адвокатской тайны и особенностей заключения соглашений в адвокатских формированиях // Общество и инновации. – 2025. – Т. 6, № 11/S. – С. 69–78. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss11/S-pp69-78.

[9] Турдалиев Д. Европейская конвенция о защите профессии адвоката (CETS №226): нормативная новация и ориентиры имплементации для Узбекистана // Общество и инновации. – 2025. – Т. 6, № 10/S. – С. 199–205. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss10/S-pp199-205.

[10] Ibragimova F. Organizational and legal basis for the specialization of lawyers in the Republic of Uzbekistan // Общество и инновации. – 2026. – Т. 7, № 5/S. – С. 105–111. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol7-iss5/S-pp105-111.

[11] Jurayev A. I. Ethical standards as a tool for improving the organizational-legal forms of legal practice in the Republic of Uzbekistan // Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. – 2025. – Vol. 5, № 4. – P. 64–72.

[12] Бурийев А. Теоретико-правовые основы внедрения концепции Smart-Sud и технологий искусственного интеллекта в сферу правосудия // Общество и инновации. – 2026. – Т. 7, № 5/S. – С. 60–68. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol7-iss5/S-pp60-68.

[13] Ёкубов Ш. Успевает ли правовая система Республики Узбекистан за искусственным интеллектом? // Общество и инновации. – 2025. – Т. 6, № 12/S. – С. 202–210. – DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss12/S-pp202-210.

[14] Remus D., Levy F. Can Robots Be Lawyers? Computers, Lawyers, and the Practice of Law // Georgetown Journal of Legal Ethics. – 2017. – Vol. 30. – P. 501.

[15] Susskind R. Tomorrow’s Lawyers: An Introduction to Your Future. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2023.

судебные решения [16] . Практические рекомендации для адвокатов выработаны профессиональными объединениями – Американской ассоциацией юристов[17] и Советом адвокатур и юридических обществ Европы[18].

Таким образом, в изученной нами литературе вопрос о том, нарушает ли адвокат тайну, вводя сведения клиента в систему ИИ, применительно к законодательству Узбекистана специально не исследовался. Зарубежные же рекомендации рассчитаны на иные правовые системы и не учитывают национальных особенностей, в частности режима локализации персональных данных.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Материалы и методы

Нормативную базу исследования составили законы Республики Узбекистан «Об адвокатуре», «Об информатизации» (в редакции Закона № ЗРУ-1115) и «О персональных данных», тексты которых изучались по Национальной базе данных законодательства (lex.uz). Из зарубежных источников проанализированы Формальное заключение № 512 Американской ассоциации юристов, руководства Совета адвокатур Европы 2022, 2025 и 2026 годов, Регламент (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте, Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте (CETS № 225) и Конвенция Совета Европы о защите профессии адвоката (CETS № 226). В качестве эмпирического материала использованы опубликованные результаты тестирования языковых моделей и решение по делу Mata v. Avianca.

Методологическую основу исследования составил полипарадигмальный подход, характерный для неклассической юриспруденции. Он сочетает юридический позитивизм – анализ текста закона как правового факта, юридический прагматизм – изучение «права в действии», т. е. реальной практики использования ИИ юристами, и юридическую герменевтику – толкование понятия «разглашение» применительно к новым технологиям. Работа носит междисциплинарный характер, поскольку соединяет адвокатское право, информационное право и профессиональную этику.

Из философских методов применён диалектический метод, позволивший рассмотреть противоречие между эффективностью юридической помощи и сохранением тайны. Общелогические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции использовались при изучении норм трёх законов и формулировании выводов, а метод аналогии – при

---

[16] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. – 2024. – Vol. 16. – P. 64; Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. – 2025. – Vol. 22, № 2. – P. 216–242. – DOI: 10.1111/jels.12413.

[17] American Bar Association. Formal Opinion 512.

[18] Council of Bars and Law Societies of Europe. Guide on the use of Artificial Intelligence-based tools by lawyers and law firms in the EU. – Brussels, 2022; CCBE guide on the use of generative AI by lawyers (2025); Council of Bars and Law Societies of Europe. CCBE technical guide on the use of AI tools and models by lawyers. – Brussels, 27 March 2026. – URL: https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/IT_LAW/ITL_Guides_recommendations/EN_ITL_20260327_CCBE-technical-guide-on-the-use-of-AI-tools-and-models-by-lawyers.pdf

сопоставлении системы ИИ с электронной почтой и облачным хранилищем. Из теоретических методов применены гипотетический метод и системный анализ (соотношение законодательства об адвокатуре, информатизации и персональных данных), из эмпирических – описание и сравнение условий работы ИИ-сервисов.

Среди частнонаучных методов основными стали формально-юридический метод и метод юридического толкования (при анализе статей 7 и 9 Закона «Об адвокатуре»), сравнительно-правовой метод (при сопоставлении американского и европейского подходов), метод правовой статистики (при обработке данных о нарушениях с применением ИИ и о доле ошибок языковых моделей), метод правового моделирования (при разработке модели, представленной в таблице) и метод правового прогнозирования (при оценке последствий предлагаемых изменений закона). Следует оговориться, что собственных эмпирических данных о том, как узбекские адвокаты используют ИИ, у нас пока нет; правосоциологическое исследование в форме анкетирования адвокатов планируется провести в рамках магистерской диссертации.

Пробел в национальном законодательстве

Закон «Об адвокатуре» построен на модели, которую можно условно назвать «замкнутым кругом лиц»: сведения, полученные от клиента, известны адвокату и тем, кто работает вместе с ним, и тайна сохраняется, пока информация не выходит за пределы этого круга[19]. Эту модель дополняет Закон «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защите адвокатов», закрепляющий неприкосновенность служебных помещений, средств связи и документов адвоката [20] . Ни разработчик системы ИИ, ни компания, предоставляющая облачный сервис, в указанный круг лиц не входят.

Если толковать закон буквально, любое внесение сведений клиента во внешнюю систему без его согласия выводит информацию за пределы защищённого круга. Однако такой подход, по нашему мнению, слишком формален. Адвокаты давно пользуются электронной почтой, мессенджерами и облачными хранилищами, и это не принято рассматривать как разглашение тайны. Значит, решающее значение имеет не само по себе участие технического посредника, а то, сохраняет ли адвокат контроль над сведениями: кто и для чего получает к ним доступ.

Закон № ЗРУ-1115 закрепил важный общий принцип – недопустимость принятия юридически значимых решений исключительно на основе выводов ИИ. Адвокат таких решений формально не принимает, но подготовленные им документы влияют на решения суда и других органов, поэтому логика человеческого контроля, на наш взгляд, применима и к адвокатской деятельности. Законодательство о персональных данных отвечает на другой вопрос – о допустимости обработки данных за рубежом. После изменений, вступивших в силу 27 марта 2026 года, обязательному хранению на территории Узбекистана подлежат биометрические и генетические данные, а также данные

[19] Хакимова К. Важные аспекты адвокатской тайны в уголовном процессе… – С. 116–128.
[20] Хакимова К. Анализ проблем обеспечения адвокатской тайны… – С. 69–78.

пользователей услуг операторов связи; иные персональные данные могут обрабатываться за пределами республики при соблюдении установленных условий[21].

Однако адвокатская тайна шире персональных данных: она охватывает и сведения о юридических лицах, и позицию защиты, и тактику ведения дела[22]. Поэтому передача, законная с точки зрения Закона «О персональных данных», вполне может оказаться недопустимой с точки зрения адвокатской тайны. Именно здесь, как мы полагаем, и находится пробел, который не восполняется ни одним из действующих актов.

«Третье лицо» или средство труда адвоката

Совет адвокатур Европы в руководстве 2025 года занимает осторожную позицию: адвокатам не рекомендуется вводить в инструменты генеративного ИИ персональную, конфиденциальную и относящуюся к клиенту информацию, а о намерении использовать такие инструменты следует сообщать клиенту, предоставляя ему возможность возразить[23]. В техническом руководстве 2026 года подробно описано, на что адвокату следует обращать внимание при выборе инструмента; его рекомендовано применять вместе с правилами об облачных вычислениях[24]. Общую рамку для Европы задают Регламент (ЕС) 2024/1689[25] и Рамочная конвенция Совета Европы об ИИ[26].

Американская ассоциация юристов в Формальном заключении № 512 от 29 июля 2024 года избрала подход, основанный на оценке риска. Использование генеративного ИИ рассматривается в нём через обязанности компетентности, конфиденциальности, информирования клиента, добросовестности перед судом, надзора и разумности гонорара. Адвокат должен оценить вероятность того, что введённые сведения станут доступны посторонним лицам, а для «самообучающихся» инструментов, использующих ввод для дальнейшего обучения, до внесения конфиденциальной информации требуется информированное согласие клиента[27].

Мы считаем, что для Узбекистана предпочтительнее второй подход, но с более чёткими критериями, закреплёнными в законе, а не только в рекомендациях. Полный запрет не соответствует задаче повышения эффективности юридической помощи и, скорее всего, приведёт к тому, что адвокаты будут пользоваться ИИ неофициально, без каких-либо гарантий. Система ИИ, по нашему мнению, не является «третьим лицом» в смысле статьи 9 Закона, если её оператор не получает самостоятельного доступа к содержанию сведений для собственных целей и это закреплено договором.

---

[21] Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» (2019; с изм. и доп., в т. ч. от 26 марта 2026 г.) // Национальная база данных законодательства. – URL: https://lex.uz

[22] Хакимова К. Важные аспекты адвокатской тайны в уголовном процессе… – С. 116–128.

[23] CCBE guide on the use of generative AI by lawyers (2025).

[24] CCBE technical guide on the use of AI tools and models by lawyers (2026).

[25] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – 2024.

[26] Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). – Vilnius, 5 September 2024.

[27] American Bar Association. Formal Opinion 512.

ISSN: 2181-3906 2026

International scientific journal
«MODERN SCIENCE AND RESEARCH»
VOLUME 5 / ISSUE 11 / UIF:8.2 / MODERNSCIENCE.UZ

В таком случае система выполняет ту же функцию, что и облачное хранилище, т. е. служит средством труда адвоката. Если же сервис использует запросы для обучения модели, сведения становятся частью модели и потенциально могут быть раскрыты другим пользователям[28]. Контроль адвоката над информацией в этом случае утрачивается, что и означает разглашение. Исходя из этого, нами предложена трёхуровневая модель допустимости инструментов ИИ.

Таблица

Модель допустимости инструментов ИИ в адвокатской деятельности

Уровень и вид инструмента	Условия использования	Правовая оценка
I. Закрытые (локальные) системы, установленные на оборудовании адвоката или адвокатского формирования	Доступ к сведениям имеют только адвокат и лица, работающие вместе с ним; данные не передаются за пределы формирования	Сведения не выходят за круг лиц, обязанных хранить тайну; разглашения нет
II. Облачные сервисы с договорными гарантиями	Оператор обязуется не использовать данные для обучения и удалять их по требованию; данные хранятся в Узбекистане или в государстве с равнозначной защитой (ст. 27-1 Закона «О персональных данных»); имеется письменное согласие клиента	Допустимо как средство труда адвоката при соблюдении всех условий
III. Общедоступные чат-боты без гарантий конфиденциальности	Вводятся только обезличенные сведения, по которым нельзя установить клиента и обстоятельства дела	Ввод сведений, позволяющих установить клиента, – разглашение адвокатской тайны

Источник: составлено автором.

Риск недостоверности ответов и обязанность проверки

Вторая сторона проблемы связана с достоверностью ответов. Исследователи Стэнфордского университета установили, что на конкретные проверяемые вопросы о решениях федеральных судов США языковые модели общего назначения отвечали неверно в 69 % (ChatGPT 3.5) – 88 % (Llama 2) случаев[29]. Даже специализированные юридические системы, которые ищут ответ в базах судебной практики, ошибались в 17–33 % случаев, хотя разработчики заявляли об отсутствии «галлюцинаций»[30].

[28] Там же.
[29] Dahl M. et al. Op. cit.
[30] Magesh V. et al. Op. cit.

Эти данные сведены нами на рисунке. При их сопоставлении нужно учитывать, что исследования проводились по разным методикам и на разных наборах вопросов, поэтому показатели можно сравнивать лишь ориентировочно.

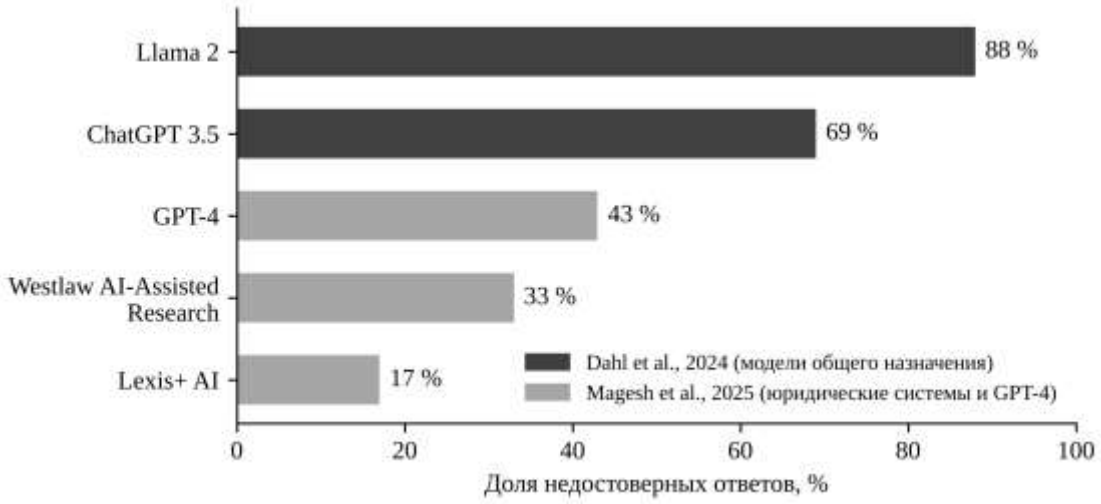

Рисунок. Доля недостоверных ответов языковых моделей на юридические вопросы

Источник: составлено автором по данным исследований М. Даля и соавт. (2024) и В. Магеша и соавт. (2025).

К чему приводит отсутствие проверки, показывает дело Mata v. Avianca. 22 июня 2023 года федеральный суд Южного округа Нью-Йорка наложил санкции на двух адвокатов и их фирму за то, что они сослались на несуществующие судебные решения, созданные ChatGPT, и продолжали настаивать на их подлинности после запросов суда[31]. Можно предположить, что применительно к законодательству Узбекистана доля ошибок окажется ещё выше, поскольку узбекоязычных правовых текстов, на которых обучаются модели, значительно меньше, чем англоязычных; впрочем, это предположение требует отдельной проверки.

Отсюда следует, что обязанность адвоката лично проверять каждую норму, ссылку и вывод, полученные с помощью ИИ, вытекает из его обязанности добросовестно и квалифицированно защищать интересы клиента. Переложить ответственность за содержание документа на разработчика программы адвокат не может.

Результаты: предложения по совершенствованию законодательства

По итогам исследования предлагаем дополнить статью 9 Закона «Об адвокатуре» частью следующего содержания:

«Не является разглашением адвокатской тайны использование адвокатом информационных систем, в том числе основанных на технологиях искусственного интеллекта, если сведения вводятся в систему в обезличенном виде, исключающем установление клиента и обстоятельств дела, либо если клиент дал письменное

[31] Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. June 22, 2023).

согласие на использование такой системы, а её оператор на договорной основе обязался не использовать полученные сведения для обучения моделей и не раскрывать их третьим лицам. Адвокат несёт ответственность за достоверность сведений, содержащихся в документах, подготовленных с использованием искусственного интеллекта».

Помимо этого, считаем целесообразным: во-первых, предусмотреть в статье 9-1 Закона возможность включать в соглашение об оказании юридической помощи условие об использовании инструментов ИИ; во-вторых, поручить Палате адвокатов разработать методические рекомендации с критериями оценки сервисов, порядком обезличивания сведений и программой повышения квалификации адвокатов в сфере цифровых технологий; в-третьих, закрепить в правилах профессиональной этики адвокатов дисциплинарную ответственность за ввод сведений, позволяющих установить клиента, в системы III уровня. В перспективе следует рассмотреть вопрос о присоединении Узбекистана к Конвенции Совета Европы о защите профессии адвоката, которая открыта и для государств, не являющихся членами Совета Европы, и предусматривает независимый механизм мониторинга[32].

Обсуждение результатов

Полученные выводы в целом согласуются с позицией Американской ассоциации юристов в части оценки риска и с позицией Совета адвокатур Европы в части обязательного информирования клиента. Отличие предлагаемой модели в том, что этические рекомендации переводятся на уровень закона и увязываются с национальным режимом защиты персональных данных. Наши предложения также развивают идею К. Хакимовой о стандартах информационной безопасности, принимаемых Палатой адвокатов[33]: правила работы с ИИ могут стать их составной частью.

Главная трудность, с которой мы столкнулись, – быстрое развитие технологий: нормы, привязанные к конкретным программам, устаревают уже через год-два. Поэтому предлагаемая формулировка построена по принципу технологической нейтральности – она описывает не программы, а условия, при которых адвокат сохраняет контроль над сведениями. Гипотеза исследования подтвердилась в части согласия клиента и запрета использовать сведения для обучения модели. Что касается личной проверки результата, она оказалась связана не столько с тайной, сколько с обязанностью квалифицированной защиты, поэтому вынесена нами в отдельное положение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Действующее законодательство Республики Узбекистан не отвечает на вопрос о допустимости использования ИИ адвокатом: общие нормы Закона № ЗРУ-1115 и Закона «О персональных данных» не учитывают особенностей адвокатской тайны, которая шире персональных

[32] Council of Europe Convention for the Protection of the Profession of Lawyer (CETS No. 226). – Luxembourg, 13 May 2025. – URL: https://www.coe.int/en/web/cdcj/lawyers-convention

[33] Хакимова К. Анализ проблем обеспечения адвокатской тайны… – С. 69–78.

данных. Система ИИ не является «третьим лицом», если её оператор не получает доступа к сведениям для собственных целей; если же сведения используются для обучения модели, адвокат утрачивает контроль над ними, что означает разглашение тайны. На этой основе предложены трёхуровневая модель допустимости инструментов ИИ, дополнение к статье 9 Закона «Об адвокатуре», изменения в статью 9-1 и правила профессиональной этики, а также рекомендации для Палаты адвокатов. Их реализация позволит адвокатам пользоваться современными технологиями, не ставя под угрозу доверие клиентов, на котором основана адвокатская деятельность.

REFERENCES

1. American Bar Association, Standing Committee on Ethics and Professional Responsibility. (2024, July 29). *Formal Opinion 512: Generative artificial intelligence tools*. American Bar Association.
2. Buriyev, A. (2026). “Smart court” concept in the administration of justice and theoretical and legal foundations for the implementation of artificial intelligence technologies. *Society and Innovations, 7*(5/S), 60–68. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol7-iss5/S-pp60-68
3. Choi, J. H., Hickman, K. E., Monahan, A., & Schwarcz, D. (2022). ChatGPT goes to law school. *Journal of Legal Education, 71*, 387.
4. Council of Bars and Law Societies of Europe. (2022). *Guide on the use of artificial intelligence-based tools by lawyers and law firms in the EU*. CCBE; European Lawyers Foundation.
5. Council of Bars and Law Societies of Europe. (2025, October 2). *CCBE guide on the use of generative AI by lawyers*. CCBE.
6. Council of Bars and Law Societies of Europe. (2026, March 27). *CCBE technical guide on the use of AI tools and models by lawyers*. CCBE. https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/IT_LAW/ITL_Guides_recommendations/EN_ITL_20260327_CCBE-technical-guide-on-the-use-of-AI-tools-and-models-by-lawyers.pdf
7. Council of Europe. (2024). *Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law* (CETS No. 225).
8. Council of Europe. (2025). *Council of Europe Convention for the Protection of the Profession of Lawyer* (CETS No. 226). https://www.coe.int/en/web/cdcj/lawyers-convention
9. Dahl, M., Magesh, V., Suzgun, M., & Ho, D. E. (2024). Large legal fictions: Profiling legal hallucinations in large language models. *Journal of Legal Analysis, 16*, 64. https://doi.org/10.48550/arXiv.2401.01301
10. Ibragimova, F. (2026). Organizational and legal basis for the specialization of lawyers in the Republic of Uzbekistan. *Society and Innovations, 7*(5/S), 105–111. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol7-iss5/S-pp105-111

11. Jurayev, A. I. (2025). Ethical standards as a tool for improving the organizational-legal forms of legal practice in the Republic of Uzbekistan. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences, 5*(4), 64–72.
12. Khakimova, K. (2025a). Analysis of issues concerning attorney-client privilege and the specifics of agreement formation in legal practices. *Society and Innovations, 6*(11/S), 69–78. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss11/S-pp69-78
13. Khakimova, K. (2025b). Key aspects of attorney-client privilege in criminal proceedings: Uzbekistan's legislation and international experience. *Society and Innovations, 6*(7/S), 116–128. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss7/S-pp116-128
14. Magesh, V., Surani, F., Dahl, M., Suzgun, M., Manning, C. D., & Ho, D. E. (2025). Hallucination-free? Assessing the reliability of leading AI legal research tools. *Journal of Empirical Legal Studies, 22*(2), 216–242. https://doi.org/10.1111/jels.12413
15. Mata v. Avianca, Inc., 678 F. Supp. 3d 443 (S.D.N.Y. 2023).
16. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). (2024). *Official Journal of the European Union*.
17. Remus, D., & Levy, F. (2017). Can robots be lawyers? Computers, lawyers, and the practice of law. *Georgetown Journal of Legal Ethics, 30*, 501.
18. Susskind, R. (2023). *Tomorrow's lawyers: An introduction to your future* (3rd ed.). Oxford University Press.
19. Turdaliev, D. (2025). European Convention on the Protection of the Legal Profession (CETS No. 226): Regulatory innovation and implementation directions for Uzbekistan. *Society and Innovations, 6*(10/S), 199–205. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss10/S-pp199-205
20. V Uzbekistane prinimaetsya zakon ob iskusstvennom intellekte. O chyom v nem govoritsya? [A law on artificial intelligence is being adopted in Uzbekistan. What does it say?]. (2025, April 17). *Kun.uz*. https://kun.uz/ru/news/2025/04/17/v-uzbekistane-prinimayetsya-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-o-chyom-v-nem-govoritsya
21. V Uzbekistane utverdili pravila etiki pri sozdanii i ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta [Uzbekistan approved ethical rules for the creation and use of artificial intelligence]. (2026, March 16). *Kun.uz*. https://kun.uz/ru/news/2026/03/16/v-uzbekistane-utverdili-pravila-etiki-pri-sozdanii-i-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta
22. Yokubov, Sh. (2025). Is the legal system of the Republic of Uzbekistan keeping pace with artificial intelligence? *Society and Innovations, 6*(12/S), 202–210. https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol6-iss12/S-pp202-210
23. Zakon Respubliki Uzbekistan «O personal'nykh dannykh» [Law of the Republic of Uzbekistan "On Personal Data"] (2019, with amendments of March 26, 2026). https://lex.uz
24. Zakon Respubliki Uzbekistan «Ob advokature» [Law of the Republic of Uzbekistan "On Advocacy"] No. 349-I (1996, with amendments). https://lex.uz

25. Zakon Respubliki Uzbekistan No. ZRU-1115 «O vnesenii dopolnenii i izmenenii v nekotorye zakonodatel’nye akty Respubliki Uzbekistan v svyazi s regulirovaniem otnoshenii, voznikayushchikh pri primenenii iskusstvennogo intellekta» [On amendments to certain legislative acts in connection with the regulation of relations arising from the use of artificial intelligence] (2026, January 21). https://lex.uz/docs/8011377